На снимке тебя нет

Анна Сребская

Анна Сребская

На снимке тебя нет

«Автор»
2026

Сребская А.

На снимке тебя нет / А. Сребская — «Автор», 2026

«Ты меня не снял, — сказала она. — Ты снял платье. И море. А меня нет».Они прожили вместе пять лет. Он работал. Она ждала. Он не замечал. Она не говорила.А потом она уехала — в другой город, на работу, которую откладывала три года.Он остался один с её вещами. С чашкой, которая протекает с лета. С банкой гвоздей её умершего отца. С рисунком, на котором он сидит у окна и смотрит в телефон. На обороте карандашом: «Жду, пока допьёт».Шаг за шагом — через письма, которые он пишет и не отправляет, через корабли, которые учится делать у соседа, через разговоры с её мамой — он начинает видеть ту, которую потерял. И себя, которого не знал.Это тихая история о том, что любовь — не в словах. Она в том, что человек помнит о тебе то, чего не помнишь ты сам.

© Сребская А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 13
Глава третья 19
Глава четвёртая 22
Глава пятая 25
Глава шестая 29
Конец ознакомительного фрагмента. 34

На снимке тебя нет

Глава первая

В день, когда Аня уходила, у нас сломался чайник. Она трижды нажала на кнопку, потом сняла его с подставки и поставила обратно.

— Не работает, — сказала она.

— Я вижу.

Мы оба смотрели на чайник. Про чайник можно было говорить долго.

За окном шёл мокрый снег. На кухне стояли две коробки: в одной — Анины книги, в другой — вещи, которые за пять лет так и не нашли постоянного места. Свечи. Зарядки от старых телефонов. Синий шарф, который я считал потерянным.

— Шарф твой, — сказала она, заметив мой взгляд.

— Оставь себе.

— Зачем?

Я пожал плечами.

Прежде она взяла бы его. Намотала на шею, закрыв подбородок, и спросила, похожа ли на человека, который знает, как заполнять налоговую декларацию. Я бы сказал, что скорее на человека, который скрывается от налоговой.

Теперь Аня положила шарф на стол.

Я поставил на плиту кастрюлю с водой.

— Ты так и будешь кипятить?

— А что?

— Ничего. Просто долго.

Она села у окна. На ней был серый свитер с вытянутым рукавом. У левого виска торчала короткая прядь: месяц назад она неудачно подстригла чёлку.

Я тогда сказал, что раньше было лучше.

Почему-то именно это вспомнилось, пока я доставал кружки.

— Тебе какую?

— Любую.

Я взял белую, с трещиной на ручке, и поставил перед ней.

— Эту не надо. Она протекает.

— Давно?

— С лета.

Я убрал кружку обратно.

Аня посмотрела на меня, но ничего не сказала.

Пока грелась вода, я открыл телефон. Не знаю зачем. Наверное, хотел показать, что тоже могу чем-то заняться, пока она сидит в нашей кухне и ждёт, когда можно будет уйти.

На экране появилась подборка фотографий: «Этот день три года назад».

Море. Терраса. Аня в жёлтом платье.

— Смотри, — сказал я.

Она взяла телефон.

— Это где?

— В Сочи. Когда мы на последний поезд чуть не опоздали.

— А, да.

На фотографии она стояла ко мне спиной — почти. Голова повёрнута через плечо, но лица не видно: ветер и волосы.

Я сделал тогда три снимка. На двух она стояла спиной. На третьем — обернулась слишком рано, и лицо получилось размытым.

Я оставил тот, где она спиной.

— Хорошая фотография, — сказал я.

— Хорошая.

Она вернула телефон.

— Можешь прислать?

Я сразу отправил.

Она смотрела на экран дольше, чем нужно.

— Ты меня не снял, — сказала она вдруг.

— Как не снял? Вот же.

— Тут я спиной.

— Ну и что.

— Ты снял платье. И море. А меня нет.

Она ничего не сказала.

— Я в тот день получила письмо, — сказала она.

— Какое?

— Меня взяли на реставрацию. В Петербург.

Я помнил Петербург. Мы из-за него ссорились. Я не хотел переезжать, а она говорила, что речь всего о восьми месяцах.

— Это было тогда?

— Утром. Пока ты спал, я прочитала. Потом мы пошли завтракать, и я всё думала, как тебе сказать.

Вода закипела. Я выключил газ, но кастрюлю не снял.

— Ты могла поехать.

Аня провела пальцем по краю стола, собирая невидимые крошки.

— Сейчас я не хочу это обсуждать.

— Я просто...

— Знаю.

Я разлил воду. В её чашку положил пакетик зелёного чая.

Она осторожно вытащила его за нитку.

— Мне чёрный, пожалуйста.

Я нашёл чёрный в глубине шкафа.

Некоторое время мы пили молча. За стеной сосед двигал мебель: короткий скрежет, пауза, снова скрежет. Обычно Аня придумывала этому объяснение. Что он строит корабль. Что у него ручной медведь, которому неудобно спать.

Мне хотелось спросить её, что он делает сегодня.

Вместо этого я сказал:

— Давай я отвезу коробки.

— Маша приедет. Она всегда приезжает, когда надо что-то вынести.

— Понятно.

Она допила чай и встала. Я потянулся за её чашкой слишком быстро, и наши пальцы столкнулись.

— Подожди, — сказал я.

Аня замерла.

До этой секунды я был уверен: если она согласится задержаться, я найду нужные слова. Объясню, что последние месяцы плохо спал. Что устал на работе. Что ведь было и хорошее, много хорошего.

Она ждала.

— Как называется мастерская? — спросил я.

— Какая?

— В Петербурге. Куда тебя взяли.

Аня медленно убрала руку.

— «Слой».

Я повторил название про себя.

В прихожей завибрировал её телефон.

— Маша, — сказала она.

Я кивнул и пошёл одеваться, чтобы помочь донести коробки.

Синий шарф остался на столе.

Первая коробка оказалась легче, чем я ожидал. В ней лежали зимние вещи. Я узнал серый свитер, который Аня надевала дома поверх футболки, и зачем-то поправил торчащий из-под крышки рукав.

— Её можно закрыть, — сказала она. — Там скотч на тумбочке.

Я провёл полосой по картону. Она придержала створки, чтобы не разошлись.

Мы всё ещё умели это вдвоём.

У подъезда стояла Машина машина. Маша открыла багажник и, увидев меня, перестала улыбаться.

— Привет.

— Привет. Куда ставить?

— Пока сюда. Только следующую на эту не клади, там чашки.

Я посмотрел на Аню.

— Ты же сказала, зимние вещи.

— Чашки завёрнуты в зимние вещи.

Маша забрала у неё сумку.

Они всё продумали. Как упаковать посуду, во сколько выехать, где остановиться. Я вдруг понял, что Анина жизнь уже несколько недель происходит где-то рядом с моей, а я всё ещё рассчитываю узнать о ней первым.

За второй коробкой мы поднялись вдвоём.

В лифте Аня смотрела на меня в зеркале. По крайней мере, мне так показалось. Я повернулся, но она уже проверяла телефон.

— Ты на поезде? — спросил я.

— Да.

— Во сколько?

Она назвала время.

Я едва не сказал, что они не успеют. До вокзала было сорок минут, до поезда — почти два часа. Но я всегда так говорил. Про пробки, про очереди, про то, что надо было выйти раньше. Даже когда никто не просил меня ничего рассчитывать.

В квартире стало заметно тише, хотя из неё вынесли всего одну коробку.

Аня прошла в комнату, а я остановился на кухне. На столе лежал шарф.

Я поднял его и засунул в карман куртки.

— Это последняя? — спросил я.

— Да. Остальное потом заберёт Маша. Если можно.

— Конечно.

Вторая коробка была тяжёлой. Книги, судя по весу. Я подхватил её снизу, и Аня придержала дверь.

На площадке пришлось поставить коробку, чтобы вызвать лифт. На крышке чёрным маркером было написано: «Книги. Не потерять».

Я не обратил на это внимания, когда мы выносили коробку в первый раз. Теперь обратил.

Я помнил этот маркер. Купил его, чтобы подписать пакеты с мясом в морозилке. Аня тогда рассмеялась:

«Наконец-то в этом доме появился человек с планом».

Я стоял над коробкой и пытался вспомнить, когда это было. Летом? Прошлой зимой? Почему-то казалось важным определить точно.

— Спина? — спросила Аня.

— Нет. Всё нормально.

Внизу Маша освободила место в багажнике. Коробка вошла не сразу. Пришлось сдвинуть сумку и повернуть её боком.

Пока мы возились, Аня стояла у задней двери, держа в руках ключи.

Мои ключи. От нашей квартиры.

Я увидел их и отвернулся к багажнику.

— Ну вот, — сказала Маша.

Она закрыла крышку осторожно, со второго раза.

Аня подошла ко мне.

— Я положу на тумбочку? — спросила она, показав ключи.

— Оставь пока.

— Зачем?

Я не ответил.

Она сняла маленький ключ от почтового ящика, потом большой, с зелёной пластиковой меткой. Метку мы купили, потому что я постоянно путал наши связки.

Я протянул ладонь.

— Спасибо, — сказала она.

Не за ключи. Или за ключи. Я не понял.

Маша села в машину.

— Ань.

Она обернулась.

Я достал шарф.

— Забыла.

Аня посмотрела на него, потом на меня.

— Точно.

Она обмотала шарф вокруг шеи, убрала под него волосы. Я знал это движение так хорошо, что на секунду всё стало обычным: сейчас она уедет по делам, вечером вернётся, позвонит снизу, потому что опять не может найти ключи.

— Напиши, как доедешь, — сказал я.

Аня взялась за ручку двери.

— Хорошо.

Я хотел обнять её. Но пока решал, можно ли, она уже села.

Машина выехала со двора не сразу: дорогу перегородил курьер на велосипеде. Маша опустила стекло, что-то сказала ему. Аня пристегнулась. Поправила зеркало в козырьке, посмотрела на своё лицо.

Я всё стоял.

Потом она заметила меня и коротко помахала.

Дома я снял куртку и повесил её на Анин крючок. Перевесил.

На кухне стояли две чашки.

В её чашке осталось немного чая. Я вылил его, сполоснул чашку и поставил на сушилку. Потом достал телефон.

Наш последний разговор начинался с моего сообщения: «Купи хлеб».

Выше было её: «Ты сегодня поздно?»

Моё: «Не знаю».

Ещё выше — фотография кривой глиняной миски. Аня держала её на ладони. На большом пальце засохла белая глина.

«Первая, которую не стыдно показать», — написала она.

Под фотографией стоял мой ответ:

«Прикольно».

Я сел за стол.

Открыл снимок, увеличил. Рассмотрел неровный край, синюю полосу внутри, её палец.

Потом вернулся в переписку и набрал:

«Я почти ничего не спросил про твою работу».

Прочитал. Стер последнее слово.

Написал «мастерскую».

Снова стёр.

Телефон погас у меня в руке. Я включил экран и долго смотрел на недописанное сообщение.

Отправлять его сейчас означало просить её ещё о чём-то — в день, когда она и так вынесла отсюда всё сама.

Я положил телефон на стол.

Через час он завибрировал.

«Мы на вокзале. Успели».

Я написал: «Хорошей дороги».

И на этот раз не добавил ничего.

Ночью я проснулся от холода.

Окно в спальне было приоткрыто. Аня всегда закрывала его перед сном, а я всегда говорил, что невозможно дышать. Теперь некому было мешать мне спать в свежем воздухе.

Я встал, повернул ручку и заметил на подоконнике кольцо от горшка. Самого растения не было.

Не знал, что она забрала и его.

В ванной остался один её волос на кафеле. Я снял его мокрым пальцем и почему-то не сразу выбросил.

На следующий день я пошёл за чайником.

В магазине было жарко. Продавец в чёрной рубашке спросил, какой объём меня интересует.

— Обычный.

— Полтора литра? Два?

— Полтора.

Он показал металлический, потом стеклянный, с синей подсветкой. У стеклянного крышка открывалась кнопкой. Продавец несколько раз нажал на неё, будто именно это могло меня убедить.

— Такой у нас был, — сказал я.

— Хотите такой же?

Я посмотрел на ровный ряд коробок.

— Нет. Этот шумный.

Раньше я не замечал, что он шумный. Но каждое утро Аня закрывала кухонную дверь, прежде чем его включить.

Я взял белый, самый простой. На кассе предложили дополнительную гарантию. Я отказался, потом переспросил, сколько он вообще должен работать.

Кассир посмотрела на коробку.

— По-разному.

Дома я вымыл новый чайник и дважды вскипятил воду, как было написано в инструкции. Старый отнёс в прихожую. Там он простоял до вечера, рядом с ботинками, словно тоже ждал, когда его заберут.

Белую кружку с трещиной я достал из шкафа.

Трещина шла от ручки вниз, почти до самого дна. Изнутри её не было видно. Я налил в кружку воды и поставил на бумажное полотенце.

Через минуту под ней расплылось серое пятно.

С лета, значит.

Я попытался вспомнить, как она об этом говорила. Наверняка говорила. Может быть, когда я собирался на работу, искал ключи или смотрел что-нибудь в телефоне. У меня даже нашёлся ответ, который я вполне мог дать:

«Ну так выброси».

Но самого разговора я не помнил.

Кружку мы купили в маленьком магазине возле вокзала, когда только начали встречаться. За год до Сочи. Аня тогда долго выбирала между белой и зелёной. Я торопил её: поезд через сорок минут, нам ещё кофе взять.

Она выбрала белую.

Зелёная, кажется, была с птицей.

Я перевернул кружку. На дне сохранилась наклейка с ценой. Края потемнели, середина истёрлась.

Потом вылил воду и поставил её обратно в шкаф.

В понедельник на работе меня спросили, как прошли выходные.

— Нормально.

— Куда-нибудь ездили?

— Нет.

Коллега кивнул и начал рассказывать, как возил сына к стоматологу. Я слушал, пока он не дошёл до парковки. Потом перестал. В голове крутилась мысль, что нужно купить хлеб, и ещё — что теперь я могу купить любой, не вспоминая, какой ест Аня.

— В общем, он даже не заплакал, — сказал коллега.

— Кто?

Он посмотрел на меня.

— Сын.

— А. Здорово.

Коллега развернулся к своему монитору.

Я открыл рабочую почту, прочитал одно письмо три раза и всё равно не понял, чего от меня хотят.

Через несколько минут спросил:

— А сколько ему сейчас?

— Шесть.

— Первый раз ходили?

Он снова повернулся ко мне. Рассказал уже короче, без парковки. Оказалось, сын испугался не врача, а того, что папе придётся ждать за дверью.

Я хотел сказать, что дети странные. Не сказал.

Аня написала во вторник.

«У тебя осталась папка с моими эскизами? Серая, на резинках. Посмотри, пожалуйста, в нижнем ящике».

Я знал этот ящик. В нём лежали бумаги, которые мешали закрывать шкаф.

Папка нашлась под инструкцией к посудомоечной машине.

«Есть», — написал я.

«Сможешь отправить? Там адрес на листке сверху».

Я положил папку на стол. Резинки растянулись и не держали угол. Из-под обложки торчал маленький листок.

На нём был наш кухонный стол.

Я узнал скол возле края, чашку, хлебницу. У окна сидел человек, склонив голову над телефоном.

Я поднёс рисунок ближе.

Лицо было обозначено несколькими линиями. Одна нога поджата под стул, плечо чуть выше другого. На спинке висела моя толстовка.

Я не помнил, чтобы она меня рисовала.

На обороте стояла дата — прошлый ноябрь.

Я набрал: «Это я?»

Потом посмотрел на её сообщение с адресом и убрал телефон.

В папке лежали её рабочие рисунки. Она попросила их отправить.

Я нашёл большой конверт, но он оказался мал. Пришлось идти в канцтовары.

На улице уже темнело. У перехода мужчина придерживал за локоть женщину, которая вытряхивала камешек из ботинка. Она стояла на одной ноге и смеялась. Мужчина держал её сумку и терпеливо смотрел в сторону светофора.

Зелёный загорелся и погас. Они остались ждать следующего.

На почте спросили, нужно ли оценить отправление.

— Там рисунки, — сказал я.

— Объявленную ценность будете указывать?

Я не знал, сколько стоят Анины эскизы. Не знал даже, платили ли ей когда-нибудь за них отдельно.

— Нет. Просто упакуйте, пожалуйста, чтобы не помялись.

Сотрудница подвинула мне картон.

— Тогда проложите с двух сторон.

Я сделал, как она сказала.

Уже дома отправил Ане фотографию квитанции.

Она ответила вечером:

«Спасибо».

Я открыл снимок кухни, который успел сделать перед упаковкой. Увеличил угол листа. Там, возле ножки стола, было что-то написано карандашом.

Сначала я разобрал только последнее слово.

Потом остальные.

«Жду, пока допьёт».

Я сидел у окна долго. Новый чайник щёлкнул и выключился.

На этот раз я встал сразу.

Глава вторая

Посылка шла одиннадцать дней.

Я следил за ней чаще, чем было нужно. Утром, пока чистил зубы. В лифте. Перед сном. Два дня она лежала в сортировочном центре, потом вернулась туда, откуда уже выехала.

На восьмой день я чуть не написал Ане, что почта работает ужасно.

Вместо этого закрыл приложение.

Она сама написала в пятницу.

«Забрала. Всё целое».

Следом пришла фотография: раскрытая папка на широком подоконнике, стакан с карандашами, угол настольной лампы. За стеклом — стена соседнего дома, близкая настолько, что можно было разглядеть трещину под чужим окном.

Я набрал: «Это у тебя дома?»

Стер.

«Хорошо».

Несколько минут над сообщением ничего не происходило. Потом появилось:

«Там не было маленького листа с кухней?»

Я посмотрел на стол.

Лист лежал под ноутбуком. Я положил его туда, когда собирал папку, чтобы не загнуть угол, и забыл.

Сначала мне захотелось написать, что я оставил его себе. Будто это было решение, на которое я имел право.

«Был. Я не положил. Извини».

«Ничего. Потом пришлёшь».

Я снял ноутбук с листа.

Кухня была нарисована немного сверху, словно Аня сидела на подоконнике. Край стола, хлебница, моя рука возле чашки. Самого меня почти не было — только плечо и затылок.

«Жду, пока допьёт».

Я наконец спросил:

«А куда мы тогда собирались?»

Она ответила не сразу.

«На вокзал».

Я открыл фотографию рисунка, увеличил дату внизу. Две последние цифры расплывались.

«Это когда к маме?»

«Да».

Я помнил ту поездку. В вагоне было жарко, и у Ани заболела голова. Я всю дорогу разбирал рабочую переписку, а она сидела у окна, прижав к виску бутылку воды.

Её мама встретила нас на станции в короткой куртке поверх домашнего платья. В руках у неё был пакет с пирожками, хотя до дома мы ехали всего десять минут.

Я тогда не знал, что через год её отца не станет.

Я перечитал Анино сообщение. Потом своё: «А куда мы тогда собирались?»

«Я пришлю на неделе», — написал я.

Аня поставила маленькую галочку в ответ.

В субботу я пошёл искать конверт.

Нужного размера не оказалось ни в магазине у дома, ни в канцелярском возле метро. В третьем месте продавщица вынесла из подсобки большую картонную папку на завязках.

— Такая подойдёт?

— Слишком большая.

— Зато не помнётся.

Я купил папку.

Дома положил рисунок между двумя листами картона. Потом достал. Хотел сфотографировать его получше, без тени от телефона.

Перенёс к окну, встал на стул.

Сверху рисунок оказался почти таким же, как наша кухня теперь. Только на месте Аниного стула стоял пакет с пакетами, а хлебница исчезла: я выбросил её вместе со старым чайником, потому что крышка заедала.

Я спустился со стула, так ничего и не сняв.

Перед тем как заклеить упаковку, написал на отдельном листке: «Прости, что не отправил сразу».

Подумал и не стал ничего добавлять.

Вечером сел писать ей нормально. Не про папку — просто написать.

«Аня, я тут подумал» — стер.

«Мне кажется, я» — стер.

«Я не знаю, как это сказать, но» — стер.

Дальше я всё-таки написал. Длинно, путано, с двумя запятыми не на месте: что я, кажется, всё это время смотрел не туда. Что она рисовала меня, а я даже не знал. Что я помню, как она закрывала кухонную дверь, чтобы не будить меня чайником, и что я никогда не спрашивал, зачем.

Перечитал. Увидел, что получилось письмо. Не ей — мне.

И стер всё целиком, до пустого поля.

Потом написал: «Спасибо, что забрала».

Утром обнаружил, что и это не отправил.

В понедельник за обедом Дима показал мне девушку в телефоне.

— Мы уже третью неделю переписываемся.

Я посмотрел. Девушка стояла на лестнице в красном пальто. Красивое лицо, тёмные волосы, рука на перилах.

— Симпатичная, — сказал я.

— Да я не про это. Она меня на какой-то поход зовёт. В ноябре.

Он забрал телефон и стал читать вслух, с выражением человека, которому предлагают добровольно заболеть.

— «Маршрут несложный, километров восемнадцать». Восемнадцать, понимаешь?

Я засмеялся.

— А ты ей сказал, что у тебя из обуви?

— Сказал. Она обещала найти ботинки.

Принесли суп. Дима продолжал рассказывать: она работала в лаборатории, не любила голосовые сообщения и однажды три часа везла в электричке чужую собаку, потому что хозяина забрали в больницу.

— А как её зовут? — спросил я.

Дима поднял глаза.

— Лена. Я же говорил.

— Не запомнил.

Он покрошил хлеб в суп.

— Ты вообще сегодня где-то не здесь.

Я хотел сказать, что всё нормально. Вместо этого подвинул телефон экраном вниз.

— Покажи ещё раз.

— Что?

— Лену.

Он протянул телефон. На этот раз я заметил, что на лестнице рядом с ней стоял рюкзак, почти до пояса.

— С таким она восемнадцать километров собирается идти?

— Вот именно, — сказал Дима с облегчением. — И ведь мне предложит что-нибудь понести.

Я вернул телефон.

— Иди.

— Куда?

— В поход. Она тебе собаку в электричке три часа везла.

Дима посмотрел на меня так, будто я сказал что-то не то.

— Ты чего?

— Ничего.

Я взял ложку и вдруг понял, что не помню, что заказал.

Аня получила второй конверт через неделю.

«Спасибо. Записку тоже нашла».

Я ждал продолжения, хотя понимал, что его может не быть.

Вечером она прислала ещё одно сообщение.

«Мама тогда велела не торопиться. У неё тесто не поднялось».

Я вспомнил пакет на станции. Тёплый, с жирными пятнами возле дна. Анину маму, которая, обняв дочь, сразу посмотрела на меня:

«Худой какой. Вы там вообще едите?»

Я написал:

«Пирожки были с капустой».

«С картошкой. Капусту ты не любил».

Я сидел с телефоном в руке, пока экран не погас.

Потом включил его снова.

«Да. С картошкой».

И, не успев подумать, добавил:

«Я тогда из-за Петербурга сказал тебе, что ты всё придумала. Что тебе просто скучно. Помнишь?»

Отправил.

Через минуту понял, что написал «скучно», а не «страшно». Что это было хуже, чем он помнил. Что он сказал это на кухне, при её маме, за столом, где стояли те самые пирожки.

Аня ответила через полчаса.

«Помню».

И всё.

Я положил телефон на стол, встал, дошёл до окна и обратно. Новый чайник стоял на месте. Кружка с трещиной — на подоконнике, вверх дном, как её поставили сушиться.

Я взял её и выбросил в мусорное ведро.

Потом достал и поставил обратно.

На кухне закипела вода. Я достал одну чашку.

Чашка оказалась той самой, с трещиной на ручке.

Я налил немного воды и подождал. На столе медленно проступило тёмное полукольцо.

С лета.

Я вылил воду, сполоснул чашку и поставил возле мусорного ведра. Потом переставил на подоконник. Не потому, что было жалко. Просто не хотелось слышать, как она ударится о дно.

В субботу позвонила Анина мама.

Я смотрел на её имя дольше, чем следовало.

— Алло.

— Привет. Не отвлекаю?

— Нет.

На заднем плане работал телевизор. Кто-то смеялся, потом смех резко оборвался.

— Я тут разбираю шкаф, — сказала она. — У меня твоя куртка осталась. Зелёная.

— Это не моя.

— Как не твоя? Большая такая. С капюшоном.

— Наверное, Анина.

— Аня говорит, твоя.

Я попытался вспомнить куртку. Зелёную, большую, с капюшоном. Ничего не возникало.

— Может, моя. Я заеду.

— Только завтра лучше. Сегодня меня дома не будет.

Раньше она обязательно сказала бы куда. К врачу, к соседке, за картошкой на рынок, потому что там появился хороший продавец. Теперь ждала ответа.

— Завтра могу в двенадцать.

— Хорошо.

Мы помолчали.

— Вам хлеба привезти? — спросил я.

— Зачем?

— Ну, я всё равно поеду.

— Хлеб у меня есть.

После разговора я открыл переписку с Аней.

Написал: «Твоя мама звонила».

Прочитал и удалил.

Куртку я узнал сразу.

В ней мы красили кухню у её родителей. Тогда же она получила письмо из Петербурга. Её отец ещё был жив и каждые двадцать минут заходил проверить, не нужна ли помощь. Самому ему врачи запретили поднимать руки выше плеч, поэтому он стоял в дверях и советовал.

Я тогда раздражался. Валик оставлял полосы, краска капала на запястье, Аня включила какую-то музыку с телефона, и всё время приходилось переспрашивать.

Куртка висела на балконе, на гвозде.

— Я думала, ты её забрал, — сказала Анина мама. — Потом пакеты сняла, а она под ними.

На рукаве сохранилось белое пятно.

— Спасибо.

Она не отпускала плечики.

— Чаю будешь?

Я посмотрел на ботинки. С одного на коврик стекла грязная вода.

— Буду.

На кухне почти ничего не изменилось. Только табуретка, на которой обычно сидел Анин отец, теперь стояла возле холодильника, а на ней — коробка с лекарствами и квитанциями.

— Садись, — сказала она.

Я сел на своё прежнее место и сразу пожалел. Не потому, что оно больше не было моим. Просто оказалось, что тело помнит такие вещи без всякого разрешения.

Она положила на стол печенье, поставила сахарницу.

— Тебе сколько?

— Без сахара.

— Правильно. Надо и мне отвыкать.

Она насыпала себе две ложки.

Мы говорили о лифте, который снова не работал. О новой аптеке на углу. О том, что во дворе спилили тополь, и теперь летом будет видно окна соседнего дома.

Я всё ждал вопроса об Ане.

Вместо этого она спросила:

— Ты работаешь там же?

— Да.

— А то Аня говорила, у вас сокращения.

— Пока обошлось.

— Ну и хорошо.

Она подвинула ко мне печенье.

Я взял одно.

— Вы на меня сердитесь? — спросил я.

Она посмотрела в чашку.

— Сердилась.

Я положил печенье на блюдце.

— А сейчас?

— Сейчас у меня чай остынет, пока я тебе отвечать буду.

Она отпила и поморщилась.

— Уже остыл.

Я тоже взял чашку. На холодильнике висело объявление: «Курсы компьютерной грамотности. Для пенсионеров. Вторник, четверг».

— Ты ходишь? — спросил я.

— Хожу.

— Как?

— Никак. Сижу и не понимаю. Но хожу.

— Зачем?

— Чтобы не сидеть дома.

За окном мужчина в оранжевой куртке долго пытался поставить лестницу возле фонаря. Отходил, смотрел наверх, снова переставлял.

— Я не знаю, что вам сказать, — произнёс я.

— Не надо ничего.

Она сказала это без раздражения и без утешения. Потом встала, достала из шкафа пакет.

— Заберёшь яблоки? Мне много привезли.

Я хотел отказаться. Мне казалось неприличным уходить отсюда с едой, как раньше, когда в прихожей уже стояла Аня и торопила меня, а её мама добавляла в пакет ещё что-нибудь.

— Заберу, — сказал я.

У двери она вдруг спросила:

— Ты ей писал?

— Да.

— Про что?

Я не сразу нашёл, что ответить.

— Про пирожки.

Она усмехнулась.

— Ну хоть про что-то.

Дома я повесил куртку в ванной.

Пока она намокала в тазу, из кармана выпала сложенная вчетверо бумага. Чек из строительного магазина. Краска, лоток, два валика, малярная лента.

На обороте Аниным почерком было написано:

«Хлеб. Сметана. Позвонить папе насчёт полки».

Я разгладил чек на стиральной машине.

Дата выцвела почти совсем. Я поднёс бумагу к свету, но разобрал только год.

Телефон лежал в комнате. Я сходил за ним, открыл камеру и навёл на записку.

На экране бумага выглядела серой, незначительной. В кадр попадал край таза, носок тапка и моя рука.

Я сделал снимок.

Потом открыл Анину переписку.

Последним по-прежнему стояло моё сообщение: «Да. С картошкой». И ниже — моё же, про Петербург, на которое она ответила «Помню».

Я прикрепил фотографию чека и написал: «Нашёл в куртке».

Прежде чем отправить, ещё раз посмотрел на строчку про полку.

Потом удалил текст, убрал фотографию и положил телефон на стиральную машину.

Чек я оставил сохнуть рядом.

Через полчаса вернулся и перевернул его другой стороной.

Глава третья

Полку я делал три вечера.

Сначала нашёл в кладовке доску — ту самую, которую Анин отец отпилил ещё тогда, когда мы красили кухню. Он тогда сказал: «Потом пригодится». Доска стояла у нас за стиральной машиной три года, и я всё это время считал её мусором.

Теперь я вынес её на балкон и провёл рукой по краю. Пыль, следы краски, заусенец с одного конца.

В интернете нашлось видео: мужчина в фартуке объяснял, как сделать полку за один вечер. Он улыбался и говорил «проще простого». У него было три дрели.

У меня была одна, Анина, с битой кнопкой.

Я прикрутил кронштейны. Доска оказалась на два сантиметра короче, чем нужно. Я перемерил, пересчитал, потом просто приложил её к стене и отметил карандашом.

На третий вечер полка висела.

Я поставил на неё чашку с трещиной. Потом снял. Потом снова поставил.

На следующий день позвонил Ане.

Не написал — позвонил. Я репетировал это с утра: скажу, что нашёл доску, что сделал полку, что папа был прав.

Она ответила после третьего гудка.

— Привет.

— Привет. Я тут… — Я посмотрел на полку. — Помнишь, у нас доска была? Ну, которую папа твой отпилил.

Молчание.

— Помню.

— Я полку сделал.

— Хорошо.

Я ждал, что она спросит, зачем. Она не спросила.

— Ты как? — сказал я.

— Нормально. Работы много.

— Это хорошо.

— Ага.

Я слышал, как на её стороне что-то шуршит. Бумага? Куртка? Я не мог понять и злился на себя за то, что пытаюсь понять.

— Аня.

— Да?

— Я тогда сказал про Петербург. На кухне. При твоей маме.

— Я помню.

— Я не то имел в виду.

— Ты имел в виду именно то, — сказала она спокойно. — Ты всегда говоришь то, что имеешь в виду. Просто потом думаешь, что надо было иначе.

Я не нашёлся, что ответить.

— Мне надо идти, — сказала она.

— Да, конечно.

— Пока.

— Пока.

Я положил телефон на стол и посмотрел на полку.

Она была кривая. Я это видел. Левый кронштейн вошёл глубже, доска стояла под углом, и чашка с трещиной на ней держалась, но кренилась к краю.

Я снял чашку. Подкрутил кронштейн. Повесил обратно.

Стало ровнее. Не совсем, но ровнее.

Вечером я написал Диме.

«Ты идёшь в поход?»

Он ответил через минуту:

«Иду. А что?»

«Ничего. Молодец».

«Ты странный».

Я не стал отвечать.

Через несколько дней Анина мама позвонила снова.

— Ты полку сделал?

Я не сразу понял, откуда она знает.

— Сделал.

— Аня сказала. — Она помолчала. — Он бы порадовался.

Я знал, о ком она.

— Я не очень хорошо сделал, — сказал я. — Криво.

— Ну и что. Он тоже криво делал. Всё время. Я потом перевешивала.

Она засмеялась коротко и сразу замолчала.

— Ты приезжай, — сказала она. — Я тебе банку с гвоздями отдам. Его. Тебе же теперь надо.

— Мне не надо.

— Надо, — сказала она. — Приезжай.

Я приехал в воскресенье.

Банка стояла в кладовке, на верхней полке, за банками с крупой. Гвозди были разных размеров, часть поржавела. Сверху лежал сложенный лист наждачной бумаги.

— Он всё собирал, — сказала она. — Я думала, выброшу. Потом думаю: а вдруг кому надо.

Я взял банку. Она была тяжёлая.

— Спасибо.

— Вот и хорошо.

Я уже стоял в прихожей, когда она сказала:

— Ты только это, — сказала она. — Полка — это полка.

— Я знаю.

— Вот и хорошо.

Она открыла дверь.

— А то знаю я вас.

— Кого «вас»?

— Мужчин.

Дома я поставил банку на полку. Она была тяжёлая, и доска под ней чуть прогнулась.

Я посмотрел на неё и снял банку.

Поставил на пол.

Полка осталась пустой.

Ночью я открыл переписку с Аней и написал:

«Я сделал полку. Из той доски. Получилось криво, но держится».

Отправил.

Она ответила утром:

«Покажи».

Я сфотографировал полку. Пустую. С банкой на полу в углу кадра.

Отправил.

Она долго не отвечала. Потом:

«Он бы сказал, что левый кронштейн надо было выше».

Я посмотрел на полку.

«Он был прав».

«Всегда».

Я сидел с телефоном и думал, что вот сейчас — момент. Что можно написать что-то ещё. Что-то про нас. Про то, что я не спросил, про то, что она рисовала меня, пока я смотрел в телефон.

Я написал:

«Аня, я не знаю, что мне делать».

Стер.

«Мне тебя не хватает».

Стер.

«Я тебя не понимал».

Стер.

Потом написал:

«Спасибо».

Она не ответила. Но и не ушла из сети ещё минут десять.

Я это видел.

Глава четвёртая

За три года до этого мы чуть не опоздали на поезд.

Не на тот, на котором Аня потом уехала. На другой — из Сочи в Краснодар, где жила её мама и куда мы собирались на два дня.

Аня тогда ещё не подстригла чёлку. Волосы у неё были длинные, и она всё время убирала их за ухо, а они падали обратно.

Мы приехали на вокзал за двадцать минут. Я нёс сумку и ругался, что мы вышли поздно.

— Мы успели, — сказала она.

— Мы могли не успеть.

— Но успели.

— Это не аргумент.

Она посмотрела на меня.

— Ты правда сейчас хочешь об этом спорить?

Я не хотел. Я просто устал. За два дня до этого на работе всё пошло не так: один проект закрыли, другой отложили, и я не знал, что будет через месяц. Я не сказал ей об этом. Я вообще редко говорил ей о работе.

Мы сели в вагон. Аня — у окна. Я — с краю, чтобы можно было открыть ноутбук.

— Ты будешь работать?

— Немного.

Она ничего не сказала. Достала из сумки бутылку воды и приложила к виску.

— Голова?

— Жарко.

Я открыл ноутбук.

Через полчаса она положила голову на стекло и закрыла глаза. Я посмотрел на неё и подумал, что надо бы спросить, как она. Но в почте висело письмо, на которое нужно было ответить, и я ответил.

На станции нас ждала её мама.

Она стояла в короткой куртке поверх домашнего платья, в руках — пакет с пирожками.

— Худой какой, — сказала она, посмотрев на меня. — Вы там вообще едите?

— Едим, — сказал я.

— Аня, он ест?

— Мам.

— Что «мам»?

Мы сели в автобус. До дома было десять минут. Мама всё это время рассказывала про соседа, который опять что-то строит, и про то, что у них во дворе спилили тополь.

Дома она поставила на стол пирожки.

— С капустой, — сказала она. — Ты же любишь?

Я не любил капусту. Но сказал:

— Люблю.

Аня посмотрела на меня и чуть улыбнулась.

Её отец сидел в кресле и смотрел телевизор без звука.

— Здравствуйте, — сказал я.

Он кивнул. Мы никогда не разговаривали долго. Он был из тех людей, которые молчат, и от этого в доме становилось тише, но не тяжелее.

Вечером мы красили кухню.

Отец стоял в дверях и советовал. Аня включила музыку с телефона. Я злился на валик, на краску, на то, что всё сохнет медленно.

— Ты устал, — сказала Аня.

— Нет.

— Ты злишься.

— Я не злюсь.

Она не стала спорить.

Потом, когда краска легла и мы сидели на полу, потому что стулья были вынесены, она сказала:

— Мне пришло письмо. Из Петербурга.

— Какое?

— Меня берут на реставрацию. Восемь месяцев.

Я посмотрел на неё.

— Когда?

— Вчера. Ночью, пока ты спал.

Я не помню, что ответил. Помню, что что-то ответил. Что-то про то, что это далеко. Что-то про то, что мы только начали жить вместе. Что-то про то, что она могла бы сначала обсудить.

— Я узнала вчера, — сказала она.

— И молчала.

— Я ждала момента.

— И?

Она посмотрела на стену, которую мы только что покрасили.

— И вот момент.

Я сказал ей, что она всё придумала. Что ей просто скучно. Что в Петербурге холодно и сыро, и что она там никого не знает.

Я сказал это при её маме.

Мама вышла из комнаты. Я слышал, как она открыла кран на кухне, и как вода шумит, и как она не выключает её, чтобы не слышать нас.

Отец продолжал смотреть телевизор без звука.

Аня встала и вышла.

Я остался сидеть на полу.

Через полчаса я вышел на балкон. Она стояла там, в куртке, с сигаретой. Она не курила, но иногда, когда ей было плохо, выходила с чужой сигаретой и не затягивалась.

— Прости, — сказал я.

Она не ответила.

— Я не то сказал.

— Ты имел в виду именно то, — сказала она тогда. — Ты всегда говоришь то, что имеешь в виду. Просто потом думаешь, что надо было иначе.

Я стоял рядом.

— Поезжай, — сказал я.

— Куда?

— В Петербург.

Она посмотрела на меня.

— А ты?

— А что я?

— Ты поедешь со мной?

Я не ответил.

Она докурила и потушила сигарету о перила.

— Пойдём, — сказала она. — Завтра рано.

Мы уехали из Сочи на следующий день.

В поезде она снова сидела у окна. Я не открывал ноутбук. Я смотрел на неё, но она не оборачивалась.

Через месяц она отказалась от Петербурга.

Я узнал об этом случайно — увидел на столе письмо, которое она не успела спрятать.

Она сказала, что решила, что не готова. Что восемь месяцев — это долго. Что там всё равно ничего не получится.

Я поверил.

Только сейчас, спустя три года, я понял, что она тогда сказала мне правду, а я услышал то, что хотел.

Глава пятая

Дима написал за неделю.

«Всё в силе. Суббота, восемь утра, электричка».

Я посмотрел на сообщение и положил телефон.

Через час взял его снова.

«Я не ходил никогда».

«Тем более».

Я хотел отказаться. У меня была куча причин: работа, полка, банка с гвоздями на полу, которую я до сих пор не убрал. Но я почему-то написал:

«А ботинки?»

«Лена сказала, у неё есть запасные. Сорок третий».

Я посмотрел на свои ноги.

«У меня сорок четвёртый».

«Значит, немного пожмёт. Потерпите».

В пятницу вечером я достал из кладовки старый рюкзак. Он был пустой и пах пылью. Я положил в него бутылку воды, бутерброды, которые сделал сам, и запасные носки.

Потом сел на пол в коридоре и посмотрел на рюкзак.

Я не знал, зачем я это делаю.

В субботу я встал в шесть.

Это было странно — вставать в шесть в субботу, когда не надо на работу. Я сварил кофе в новом чайнике, посмотрел на полку. Пустая. Банка с гвоздями по-прежнему стояла на полу.

Я взял банку и убрал её в кладовку. Не на полку. В кладовку.

На электричку я пришёл за двадцать минут.

Дима уже стоял на платформе. Рядом с ним — девушка в красном пальто, которое я видел на фотографии. Только теперь на ней была куртка, а пальто, наверное, осталось дома.

— О, ты пришёл, — сказал Дима.

— Ты сказал в восемь.

— Я думал, ты откажешься.

Лена повернулась ко мне.

— Вы тот самый коллега, который всё время молчит?

— Наверное.

— Хорошо. Молчащие в походе — лучшие.

Она протянула мне ботинки. Они были разношенные, с царапинами на носках.

— Сорок третий. Если будет жать, скажите.

— Спасибо.

Я переобулся. Ботинки жали, но терпимо.

Мы сели в электричку. Вагон был почти пустой. Дима сразу достал термос, Лена — карту на телефоне, и они начали спорить, где лучше выходить.

Я сел у окна.

За окном пошли поля. Мокрые, серые, с редкими домами. Я смотрел на них и думал, что не помню, когда последний раз ехал куда-то, кроме работы и Аниной мамы.

— Вы давно вместе работаете? — спросила Лена.

— Три года.

— И всё это время молчите?

— Не всё.

Дима засмеялся.

— Он нормальный. Просто у него сейчас период.

Лена посмотрела на меня, но ничего не спросила. Я был ей благодарен.

Шли медленно. Лена оказалась права: маршрут был несложный, но длинный. Дорога шла через лес, потом вдоль реки, потом снова через лес. Было холодно, но не сильно. Я шёл и смотрел под ноги.

Сначала я думал о работе. Потом о полке. Потом о том, что ботинки жмут, но терпимо.

Потом я перестал думать.

Это было странное чувство. Я шёл и просто смотрел: на мох на камнях, на воду, на то, как Дима обходит лужу, а Лена идёт прямо через неё. На то, как она останавливается и ждёт его, хотя могла бы идти дальше.

На привале мы сели на поваленное дерево.

Лена достала бутерброды. Дима — термос.

— Ну как? — спросила она.

— Нормально, — сказал я.

— Это «нормально» значит «плохо» или «нормально»?

— Нормально.

Она засмеялась.

— Ладно.

Дима передал мне термос. Чай был с чабрецом.

— Аня любит чабрец, — сказал я.

Дима и Лена переглянулись.

— Кто такая Аня? — спросила Лена.

Я посмотрел на чашку.

— Жена.

— А.

Она не стала спрашивать дальше.

Мы сидели молча. Где-то далеко стучал дятел.

— Я думал, вы разводитесь, — сказал Дима.

— Мы не разводимся.

— А что?

Я не знал, что ответить.

— Она уехала.

— Куда?

— В Петербург. На работу.

Дима кивнул.

— И ты её ждёшь?

Я хотел сказать «нет». Но это было бы неправдой.

— Не знаю.

Лена допила чай.

— Знаете, что я поняла, когда мы с Димой начали общаться?

— Что?

— Что я не хочу быть человеком, который ждёт. Я хочу быть человеком, который делает. Даже если делает неправильно.

Я посмотрел на неё.

— Это непросто.

— Конечно, непросто. Поэтому и говорю.

Она встала и начала собирать бутерброды.

Ночевали мы в маленьком домике на краю деревни. Лена заранее договорилась. Внутри было холодно и пахло дровами.

Дима растопил печь. Лена разложила спальники.

— Ты в комнате, — сказала она мне. — Мы тут, на полу. Не переживайте, мы привыкли.

— Я не переживаю.

— Ну и хорошо.

Я лёг в комнате на узкую кровать и долго не мог уснуть. Стены были тонкие, и я слышал, как они разговаривают. Не словами — шёпотом, но я всё равно разбирал.

— Он нормальный, — сказал Дима.

— Он грустный.

— Он не грустный. Он просто не знает, что делать.

— Это и есть грустный.

Я закрыл глаза.

Ночью я проснулся от холода. Печь почти погасла. Я вышел в общую комнату, чтобы подбросить дров.

Лена не спала. Она сидела у окна, завёрнутая в спальник.

— Не спится? — спросила она.

— Холодно.

— Сейчас.

Она поднялась и открыла дверцу печи. Огонь осветил её лицо.

— Можно вопрос? — сказала она.

— Да.

— Вы её любите?

Я не ответил сразу. Я смотрел на огонь.

— Не знаю, — сказал я. — Я не думал об этом в таких словах.

— А в каких думали?

Я сел на пол возле печи.

— Я думал, что мы вместе. Что так надо. Что если я буду работать, всё будет хорошо. Что она рядом.

— А она была рядом?

Я вспомнил, как она сидела у окна в поезде с бутылкой воды у виска, а я открывал ноутбук. Как она закрывала кухонную дверь, чтобы не будить меня чайником. Как она сказала про Петербург, а я ответил, что ей просто скучно.

— Не знаю, — сказал я. — Наверное, она была рядом. А я — нет.

Лена кивнула.

— Это честно.

— Это плохо.

— Это честно, — повторила она. — Плохо — это когда человек говорит «я всё делал для семьи», а сам не помнит, какого цвета у жены глаза.

Я посмотрел на неё.

— А вы помните?

— Я помню, какого цвета глаза у Димы. И я знаю, что он не помнит, какого цвета у меня. Но он учится.

Она подбросила дров.

— Идите спать. Завтра ещё идти.

Я вернулся в комнату.

Утром мы пошли обратно. Я устал так, что перестал чувствовать ноги. В электричке я сел у окна и сразу закрыл глаза.

Дима спал, уронив голову на плечо Лене. Она не двигалась, чтобы его не разбудить.

Я смотрел на них и думал, что за всю поездку ни разу не достал телефон. Не проверил, не написал ли кто. Не посмотрел, в сети ли Аня.

Это было почти приятно.

Дома я снял ботинки и поставил их в прихожей. Они были не мои, и я подумал, что надо вернуть.

Потом сел на пол в коридоре и достал телефон.

Аня написала в четверг, пока я был в походе.

«Мне надо приехать. На два дня. Разобрать мастерскую — там закрывают одно помещение. Можно я остановлюсь у тебя? В комнате. На диване».

Я перечитал сообщение три раза.

Потом написал:

«Конечно».

И добавил:

«Когда?»

Она ответила сразу:

«В следующие выходные».

Я посмотрел на полку. Пустая. На кухне — новый чайник. В кладовке — банка с гвоздями.

Я написал:

«Я сделаю уборку».

Она не ответила. Но я видел, что сообщение прочитано.

Ночью я не мог уснуть.

Я лежал и думал, что через неделю она будет здесь. В этой квартире. На диване в комнате. И что я не знаю, как себя вести.

Я встал, прошёл на кухню и включил чайник.

Пока он грелся, я достал из кладовки банку с гвоздями. Поставил на полку.

Доска прогнулась, но выдержала.

Я посмотрел на неё и снял банку.

Поставил на стол.

Потом взял телефон и написал Ане:

«Ты не против, если на полке будут гвозди?»

Она ответила через минуту:

«Твоего папы?»

Я посмотрел на банку.

«Твоего».

«Пусть будут».

Я поставил банку на полку.

Доска прогнулась. Но выдержала.

Глава шестая

Она приехала в пятницу вечером.

Я услышал лифт, потом шаги, потом паузу перед дверью. Она всегда стояла так секунду — будто проверяла, тот ли этаж.

Я открыл раньше, чем она позвонила.

— Привет.

— Привет.

Она была в той же куртке, что и в день отъезда. С сумкой через плечо и с маленьким чемоданом на колёсиках. Чемодан был новый. Я его не видел.

— Проходи.

Она вошла и остановилась в прихожей.

— Куда обувь?

— Там же, где всегда.

Она посмотрела на меня.

— Я не помню.

— Справа.

Она поставила туфли справа.

Я взял её чемодан и отнёс в комнату. Диван был застелен. Я специально купил новое бельё — не потому, что старое было плохим, а потому, что не хотел, чтобы она спала на том, на чём спала раньше.

Она вошла в комнату и посмотрела на диван.

— Спасибо.

— Не за что.

Мы постояли.

— Есть хочешь? — спросил я.

— Не очень.

— Чай?

— Давай.

На кухне я включил новый чайник. Она села за стол, на своё место.

— Новый, — сказала она.

— Да.

— Тот сломался?

— В тот день.

Она кивнула.

Я достал две чашки. Белую с трещиной и вторую, обычную.

— Тебе какую?

Она посмотрела на белую.

— Эту.

Я налил воду. Она взяла чашку и обхватила её ладонями.

— Ты её не выбросил.

— Нет.

— Почему?

— Не знаю. Жалко.

Она отпила.

— Она протекает.

— Я знаю.

Мы пили молча. За стеной сосед двигал мебель.

— Он всё ещё строит корабль? — спросила она.

— Не знаю. Я перестал придумывать.

Она посмотрела на меня, но ничего не сказала.

Потом встала и пошла в комнату. Я остался на кухне.

Через полчаса она вышла с пустой чашкой. Я не заметил, когда она успела её принести.

— Я пойду спать, — сказала она. — Завтра рано.

— Во сколько?

— В девять. Мастерская на другом конце города.

— Я могу отвезти.

— Не надо.

— Хорошо.

Она ушла в комнату и закрыла дверь.

Я сидел на кухне и смотрел на полку. Банка с гвоздями стояла на месте. Доска прогибалась.

Ночью я не спал.

Я слышал, как она ворочается на диване. Как встаёт, идёт на кухню, наливает воду. Как возвращается.

Я не вышел.

Утром она ушла в восемь сорок.

Я слышал, как она собирается: молния на сумке, ключи, шаги в прихожей. Дверь закрылась тихо.

Я встал и посмотрел в окно. Она вышла из подъезда и пошла к метро. Не обернулась.

Весь день я не знал, чем заняться.

Я убрал квартиру. Дважды. Потом сел и попробовал работать. Прочитал одно письмо три раза. Закрыл ноутбук.

Днём позвонила Анина мама.

— Она у тебя?

— У меня.

— Как она?

— Ушла в мастерскую. Вечером вернётся.

Мама помолчала.

— Ты её не трогай, — сказала она. — Пусть сама.

— Я не трогаю.

— Вот и хорошо.

Она положила трубку.

Вечером Аня вернулась позже, чем я ждал.

— Извини, — сказала она с порога. — Задержалась.

— Ничего.

Она прошла на кухню и села. Вид у неё был уставший. На рукаве — белая полоса, как от глины.

— Как прошло? — спросил я.

— Разобрали половину. Завтра доделаем.

— А потом?

— Потом поезд.

Она посмотрела на чайник.

— Можно я сама?

— Конечно.

Она включила чайник и достала чашку. Ту самую, белую с трещиной.

— Ты знаешь, что она протекает, — сказал я.

— Знаю.

Она налила воду и поставила чашку на стол. Через минуту под ней расплылось пятно.

— Вот, — сказала она. — Видишь?

— Вижу.

— Ты всегда говорил «выброси».

— Я помню.

Она посмотрела на меня.

— А сам не выбросил.

Я не ответил.

Она взяла чашку и вылила воду.

— Я завтра уеду, — сказала она. — В пять.

— Я отвезу.

— Не надо.

— Я отвезу, — сказал я. — Не потому, что надо. Просто отвезу.

Она долго смотрела на меня.

— Хорошо.

Ночью я снова не спал.

Я лежал и думал, что завтра она уедет. Что это не конец и не начало. Что ничего не решено.

В три часа я встал и вышел на кухню.

Она сидела за столом. В темноте, без света. Перед ней стояла чашка с трещиной.

— Не спится? — спросил я.

— Нет.

Я сел напротив.

— Аня.

— Не надо.

— Я хотел сказать…

— Я знаю, что ты хотел сказать. — Она не повысила голос. — Ты хочешь сказать, что всё понял. Что ты был неправ. Что теперь будешь иначе.

Я молчал.

— Я не могу это слушать, — сказала она. — Потому что я тебе верю. Каждый раз верю. И каждый раз возвращаюсь к тому же.

— Я не прошу возвращаться.

Она посмотрела на меня.

— Тогда что?

Я не знал, что ответить.

— Я сделал полку, — сказал я наконец. — Криво. Я знаю.

Она чуть улыбнулась.

— Я видела.

— И всё.

— И всё, — сказала она.

Мы сидели в темноте.

— Мне не хватает не тебя, — сказала она вдруг. — Я не так хотела сказать.

— А как?

— Не знаю. Я рядом с тобой перестаю что-то делать. Я жду. Жду, когда ты освободишься. Когда у тебя будет настроение. Когда ты заметишь. Я так устала ждать, что разучилась хотеть.

Я смотрел на неё.

— Я не знал.

— Знаю. Поэтому и не сказала тогда.

Я сидел и смотрел на чашку.

— Ты могла сказать раньше, — сказал я.

Она остановилась.

— Что?

— Ты могла сказать мне раньше. Не через три года. Не когда уже уехала.

— Я говорила.

— Ты не говорила.

— Я говорила. Ты не слышал.

Мы смотрели друг на друга.

— Это не одно и то же, — сказал я.

— Нет, — согласилась она. — Не одно.

Она стояла в дверях.

— Я устала быть той, кто говорит, — сказала она. — Я хотела, чтобы ты сам.

— Я не умею сам.

— Теперь умеешь.

Она ушла в комнату.

Я остался сидеть на кухне.

Утром она собралась быстро.

Я вынес чемодан. Она надела куртку, проверила сумку.

— Всё, — сказала она.

В машине мы молчали.

Я вёл медленно. Улицы были пустые. На вокзале она вышла первой.

— Не надо провожать, — сказала она.

— Я провожу.

Она не стала спорить.

Мы дошли до перрона. Поезд уже стоял.

— Ну, — сказала она.

Я посмотрел на неё.

— Аня.

— Не надо, — сказала она. — Правда.

Я кивнул.

Она взяла чемодан.

— Спасибо, что пустил.

— Живи пока.

Она пошла к вагону. Проводница проверила билет. Аня поднялась по ступенькам и обернулась.

Я стоял.

Она помахала — коротко, как тогда, из машины.

Я поднял руку.

Поезд тронулся.

Я стоял, пока он не ушёл.

Дома я снял куртку и повесил её на крючок. Потом перевесил.

На кухне стояла чашка с трещиной. Я взял её, посмотрел на дно — наклейка с ценой почти стёрлась.

И вдруг подумал: какого чёрта.

Какого чёрта она не сказала мне раньше. Какого чёрта я не спросил. Какого чёрта мы пять лет пили чай и молчали.

Я поставил чашку слишком резко. Она звякнула о полку.

Я стоял и слушал, как звенит тишина.

Потом вылил воду, сполоснул чашку и поставил её на место.
Рядом с банкой с гвоздями.
Полка прогнулась.
Я посмотрел на неё и не стал ничего поправлять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.